

Как современный российский режим использует идеологемы либерализма

На третьем президентском сроке Владимира Путина государственные институты, в том числе министерство культуры, стали активно заниматься конструированием идеологии. Это конструирование, среди прочего, можно интерпретировать и как ответную реакцию власти на массовые гражданские протесты 2011–2012 годов — стремление консолидировать нацию, и как попытку стабилизировать госаппарат изнутри, создав и укрепив у его работников мотивации, отличные от личной выгоды¹. Важно обратить внимание на то, что эклектичный характер формирующейся идеологии не только и не просто ура-патриотический, но заимствует элементы разных идеологических схем. Однако это не бессвязное смешение — оно обладает определенной логикой и представляет собой сложный узел идеологии, которая манипулирует одновременно ностальгией по монархической Российской империи (“России, которую, мы потеряли”), ностальгией по Советскому Союзу в его государственно-имперской ипостаси, но и либерально-капиталистическими идеалами.

Либеральные элементы эклектичной идеологии

В этом тексте я сконцентрирую внимание на одном из аспектов такой эклектичности и приведу примеры того, как в современной российской политической жизни консервативная идеология надстраивается и кон-

струируется с использованием некоторых элементов либеральных ценностей — на риторическом, институциональном и экономическом уровнях.

Такое многоуровневое переплетение заставляет проблематизировать саму оппозицию “консервативное/либеральное”, часто доминирующую в российском мышлении о политике — как провластном, так и оппозиционном. Перед тем как перейти непосредственно к современной российской ситуации, уточню, о каких именно либеральных ценностях (идеальных конструкциях), используемых современным российским режимом, я буду говорить (разумеется, этот список не исчерпывает всей сложности либеральной системы мысли, а важен именно в рамках этого текста).

■ *Автономия* социальных единиц — то есть суверенность частного над общим в вопросах, не приводящих к нарушению автономии другой социальной единицы (частного лица, группы лиц, институции). Отношения этих автономий регулируются законом, предохраняющим от конфликтов. Как, например, гласит статья 4 французской революционной Декларации прав человека и гражданина 1789 года: “Осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом”². Источник, основание и способы реализации закона в разных пониманиях либерализма

могут варьироваться. Примеры либеральной (буржуазной) автономии — автономия искусства и культуры или подчеркнутое разделение приватной и публичной жизни.

■ *Плюрализм равноправных мнений*, каждое из которых имеет право быть озвученным перед определенной аудиторией, желающей его услышать.

■ *Свободный рынок* и рыночные транзакции как основная форма договорных общественных отношений между социальными единицами. Примат рыночных транзакций над другими формами отношений может вступать в конфликт с идеей автономии, например, культуры и образования — чему примером сегодняшнее общемировое недовольство неолиберальной политикой, которая сокращает расходы государства на культуру и образование и превращает их институты в рыночных игроков.

■ *Конкуренция* как основной фактор естественной регуляции рынка, представляющего собой сеть этих транзакций, и пространства различных мнений. Идея конкуренции также служит предметом дебатов внутри либерального идейного спектра — например о том, как ограничивать недобросовестную конкуренцию, предотвращать монополизацию и так далее. В результате конкуренции разные мнения слышны в разной степени.

■ *Эффективность* как естественный регулятор конкуренции: в борьбе за успех на рынке выигрывает тот, кто экономически удачнее организует свою деятельность.

■ Наконец, в разных вариантах либерализма по-разному понимается роль *государственных институтов*: как регулировщиков автономии и конкуренции на основании законов, как организаторов свободного рынка или даже как игроков на этом рынке.

С 24 октября по 17 ноября 2015 года в Москве проходила выставка-словарь феминистского искусства “И — искусство, Ф — Феминизм”, организованная кураторами Ильмирой Болотян, Марией Винник и художницей Микаэлой. Этот проект, поддержанный Фондом Розы Люксембург, разместился, однако, в не вполне публичном пространстве: на территории НИИДАР (НИИ дальней ра-

диосвязи), куда можно было попасть только по спискам — и, соответственно, по паспортам. Размещению выставки и сопутствующих мероприятий в таком специфическом месте предшествовала долгая история мытарств, в ходе которой организаторам отказывали в организации экспозиции на самых разных площадках. Последний из таких отказов поступил совсем незадолго до открытия выставки, и территория НИИДАР оказалась единственным прибежищем для экспозиции. Причина отказов понятна — владельцы пространств опасались иметь дело с остросоциальными феминистскими работами; хотя большинство площадок, как рассказала мне Ильмира Болотян, отказывали организаторам под предлогами, прямо не имеющими отношения к содержанию выставки.

Разумеется, такой страх, ведущий к неясным формам цензуры, характеризует современный идеологический климат России, который обычно описывают как консервативный поворот — то есть поощрение и производство государством имперских, патриотических, национальных, религиозных ценностей.

Идея автономии

Однако мне хотелось бы поставить акцент немного иначе: выставка все-таки состоялась, но состоялась именно за полузакрытыми дверями, в пространстве подчеркнутой социальной и культурной автономии. Легко можно вообразить себе некоего российского чиновника, который дал бы такой комментарий: “Ну вот видите, никакой цензуры нет, всем позволяют высказываться... А что касается места проведения выставки — ну действительно, зачем навязывать всем свою точку зрения, которая может показаться кому-то спорной? А те, кто хотят, придут и увидят”. Здесь я воспроизвожу квазилиберальную риторику об автономии, которая была использована для оправдания многих консервативных акций современной российской власти в глазах общественного мнения.

В целом ряде спорных ситуаций (в том числе касающихся, как и выставка в НИИДАР, гендерного порядка) консерваторы опира-

лись на идею автономии семьи как единицы общества. В качестве примеров можно привести дискуссии вокруг законопроектов: ставшего законом “о пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений” среди несовершеннолетних и отклоненного “о публичном проявлении нетрадиционных сексуальных отношений” — а также вокруг ювенальной юстиции.

Так, один из инициаторов запрета “публичного проявления нетрадиционных сексуальных отношений”, депутат Госдумы Иван Никитчук так обосновал свое негативное отношение к гомосексуальности: “Мы этим законопроектом не запрещаем “этим” заниматься — тычинка в тычинку, пусть под одеялом занимаются, — но (запрещаем) продемонстрировать свои бесовские устремления, которые нам Запад навязывает”³. Наряду с такими реверансами в сторону права на самостоятельное обустройство личной жизни и одновременным стремлением скрыть проявление этой свободы от общественных взоров среди поддерживающих закон “о пропаганде” распространены аргументы о важности защиты детства от взрослого “разврата” (например, к ним активно прибегает фундаменталистский православный публицист Алексей Фетисенко⁴).

Итак, в обосновании законов о “нетрадиционных сексуальных отношениях” мы видим апеллирование сразу к двум территориям автономии: к детству, которое мыслится отделенным от сексуальности, и к пространству предельной интимности “под одеялом”, которое мыслится отделенным от взгляда общества.

Похожим образом пытаются аргументировать необходимость противостояния ювенальной юстиции: суверенитет семьи как самостоятельной единицы общества провозглашается лучшей защитой ребенка от опасных внешних влияний⁵. Здесь снова обращает на себя внимание то, что именно либеральную идею автономии противники ювенальной юстиции пытаются привлечь для оправдания консервативных норм и ценностей. В то же время сторонники ювенальной юстиции, в основном придерживаясь либеральных ценностей, разумеется, пользуются той

же идеей автономии, но применительно не к семье, а к ребенку, и ставят в центр своей аргументации идею о суверенности ребенка как особого самостоятельного субъекта права. Тем самым автономия прав ребенка вступает в конфликт с автономией семьи от внешнего законодательства.

Как в случае запретов, связанных с “нетрадиционными сексуальными отношениями”, так и в случае ювенальной юстиции государство лавирует между требованиями автономии применительно к разным социальным единицам — одних считает необходимым оберегать от внешнего влияния и вторжения, а для других — вводить ограничения и препятствовать их экспансии вовне, за пределы своей автономии. В частности, государство поддерживает автономию детства, а “нетрадиционную” личную жизнь стремится загнать в границы автономии “под одеялом”. Таким образом, государство отчасти балансирует между автономиями — например, как сказано выше, закон “о пропаганде” был принят, но более вопиющая инициатива “о публичном выражении” была отклонена. Однако чаще всего это балансирование с максимально консервативным уклоном: хотя формально никакая из автономий полностью не уничтожается, “неправильное” фактически все чаще подвергается репрессиям, которые оформляются аргументами о законности и здравом смысле. Приостановка введения ювенальной юстиции сопровождалась риторикой умеренности: по словам пресс-секретаря президента Дмитрия Пескова, Владимир Путин “скептически относится к идее ювенальной юстиции”, придерживаясь “более сбалансированной, взвешенной позиции”⁶.

Ситуации с “нетрадиционными отношениями” и с ювенальной юстицией, как и вынужденное упрятывание выставки “И — Искусство, Ф — Феминизм” на территорию НИИДАР, работают (или призваны работать) на укрепление консервативных “традиционных” семейных ценностей — но, еще раз подчеркну, важно отметить, какой риторикой обосновывается и как именно осуществляется эта поддержка.

Изначально либеральная риторика об автономии используется сегодня не только в

конкретных эпизодах внутри страны, но и в общем позиционировании современной России в мире, где власть апроприрует ее для обоснования националистической идеологии, провозглашающей российскую культурную исключительность и особую систему ценностей. Кризис модернистского универсализма и всеобщих проектов эмансипации — сегодня явление общемировое. В Европе неуклонно нарастает влияние правых политических сил, настаивающих на необходимости оберегать европейские ценности от “внешних вторжений” — например, притока мигрантов из Азии и Африки. Европейские или российские ценности в такой правой парадигме опираются на автономию Европы или России как замкнутых геополитических единиц в мировой системе. В России эта идея была законодательно закреплена недавно принятым законом о приоритете решений российского Конституционного суда над вердиктами международных инстанций⁷. Созвучно этой законодательной инициативе культурные влияния Запада уже привычно характеризуются в России как размывающие автономию российской культуры, отчего России необходимо от них защищаться⁸. Автономия во всех этих примерах мыслится как напряженная граница, нуждающаяся в охране — то извне, то изнутри — наподобие государственных границ европейских стран, пересекаемых беженцами и мигрантами, или границ Российской Федерации, которые она пытается защитить от приближения НАТО и Европейского союза, при этом нарушая границы Украины.

В такой логике нарушение границ автономии в этической сфере провозглашается одним из тягчайших преступлений, за которым должно даже следовать уголовное наказание. Один из самых громких примеров — дискуссия и судебный процесс вокруг панк-молебна Pussy Riot в Храме Христа Спасителя. Вскоре после этой акции галерист, в прошлом политтехнолог Марат Гельман заявил, что она разрушила то, над постройкой чего он работал все предшествующее десятилетие⁹ (См. также статью Анны Толстовой “Выставочная жизнь 2000-х и 2010-х: поверх цензурных барьеров” в этом номере “Контрапункта” — Прим. ред.), — а именно автономную территорию

искусства, в которую не дозволено вторгаться никому извне, — разрушила, именно совершив вылазку в обратном направлении, во внешний мир. В риторике же обвинителей акт Pussy Riot был возведен в статус агрессивного нападения на чужие священные автономии. Именно так можно интерпретировать характерные вопросы защитникам панк-молебна в ХХС: что бы с участницами группы сделали, если бы они пришли в мечеть и там сплясали¹⁰, или что бы вы сказали, если бы они станцевали на могиле ваших родителей¹¹. Здесь применительно к Pussy Riot и их акту, направленному против автономии, опять пересекаются консервативная логика, озвученная официально РПЦ и судом, и либеральная, артикулированная Гельманом, — хотя, разумеется, в дальнейшем они оценивают панк-молебен прямо противоположным образом согласно своим ценностным ориентирам (консервативным и либеральным, соответственно).

Плюрализм мнений и идеи свободного рынка

Плюрализм мнений, идеи свободного рынка и конкуренции также своеобразно включены в новую консервативную модель российской идеологии и культуры. Культурную политику Российской Федерации можно мыслить как распределенную между многими реализующими ее агентами, каждый из которых работает со своей целевой аудиторией. При этом действия этих агентов (порой даже напрямую связанных с государством) иногда могут идейно или эстетически противоречить друг другу. Например, по инициативе Военно-исторического общества, возглавляемого министром культуры Владимиром Мединским, в Тверской области был организован музей, экспозиция которого почти полностью посвящена Сталину¹², — а в Москве по указу Путина устанавливаются мемориал жертвам сталинских репрессий¹³, апроприруя таким образом давнюю, еще перестроечную идею гражданской общественности (в первую очередь общества “Мемориал”).

Удовлетворяя чаяния горожан, ориентированных на европейский образ жизни, Мос-

кву стремятся наполнить атрибутами современного урбанизма, будь то вайфай в парках или велодорожки. И одновременно то же Российское военно-историческое общество пытается установить в городе колоссальный и архаический по формам памятник князю Владимиру¹⁴.

В музее “Гараж”, спонсором которого является Роман Абрамович, беспрепятственно прошла выставка “Перформанс в России. Картография истории”, где демонстрируются произведения групп “Война” и Pussy Riot, — и в то же время продолжаются преследования политических художников, а акцию “Угроза” Петра Павленского решением оргкомитета снимают с конкурса государственной премии “Инновация”¹⁵.

Однако идеологической доминантой в современном российском варианте культурной политики все равно оказывается консерватизм. Каким образом он производится из плюрализма мнений и из созвучной рыночным принципам установки на адресную работу с разными аудиториями потребителей? Это производство имеет два аспекта.

Первый аспект состоит во все более жестком регулировании — с тем, чтобы громче звучали именно консервативные или политически нейтральные голоса. Например, свобода собраний и публичного политического высказывания ограничена пространством “гайд-парков”¹⁶ — единственной территорией, где есть шанс провести митинг без сложной процедуры согласования с властями (хотя и тут нередки случаи отказов). Эти гайд-парки реализуют опять же идеологему автономии — в их случае, как и в заявлениях о свободе личной жизни, но только “под одеялом”, автономия работает почти исключительно как форма сдерживания, ограничивая право граждан на публичное выражение протеста.

Сходным образом выставку “И — Искусство, Ф — Феминизм” приходится размещать на площадке, недоступной для массовой аудитории, а узнать о ней можно только через ресурсы в Интернете, сочувствующие феминизму и заинтересованные в современном искусстве. Излишне говорить, что наиболее массовые медийные каналы, в первую очередь общенациональное телевидение, дав-

но полностью подконтрольны государству и транслируют именно консервативную повестку; а реклама консервативно-патриотических выставок из цикла “Россия. Моя история”, проходивших в Москве сперва временно в Манеже, а позже стационарно разместившихся на ВДНХ под именем “исторического парка”, была расклеена чуть ли не в каждом вагоне столичного метро.

Слышимость того или иного голоса в общественном или медийном пространстве напрямую связана с финансовой поддержкой. Государство и приближенные к власти лица и институции выделяют немалые деньги на поддержку доминирования в СМИ или на обширную расклейку в метро рекламы “идеологически выдержанных” мероприятий. “Миллиардные президентские гранты на патриотические некоммерческие общественные организации (НКО), — пишут в журнале “Искусство” Сергей Гуськов и Александра Новоженова, — распределяются между теми, кто готов самостоятельно генерировать правильные идеи — православными организациями, казачьими сообществами, байкерами”¹⁷. Средства на ура-патриотические проекты исходят не только от государства или госкорпораций, но и от частного капитала. Например, спонсором исторического парка “Моя история” выступил “Норильский никель”¹⁸, а выставку “Романовы” в Манеже, подготовленную культурным отделом Патриархии, финансировала частно-государственная “Роснефть”¹⁹. Впрочем, в современной России крупная частная собственность всегда так или иначе санкционирована государственной властью — и наоборот, сама государственная власть тесно связана с крупной частной собственностью.

Неравная слышимость и неравные права голосов и мнений при формально признаваемом равенстве, когда преимущество получают те, за кем стоят неотделимые друг от друга власть и крупный капитал, — один из упреков, который левые предъявляют либеральной политической модели как корреляту капиталистического (буржуазного) общества. В современной России это неравенство (как, к слову, и неравенство социальное²⁰) представлено в грубой форме.

Эффективность “исторической России”

Второй аспект производства консервативной гегемонии при сохранении остатков плюрализма мнений можно назвать “логикой консервативной равнодействующей”. Консервативная идеология выступает как обладающая правом судить и оценивать любую иную точку зрения — и одновременно превосходящая их все. Возможно, наиболее ярко такую идеологическую модель сформулировал министр культуры Мединский, заявивший, что в Гражданской войне победили не красные и не белые, а “третья сила, которая в Гражданской войне не участвовала, — историческая Россия. Та же самая Россия, которая была тысячу лет до революции и будет впредь. И мы с вами прямо сейчас видим, как уверенно возвращается в свои права историческая Россия — как это было всегда в нашей истории”²¹. “Историческая Россия” мыслится у Мединского как нечто, преодолевающее любые “мифы” и находящееся по ту сторону борьбы конкретных идей и временных исторических сил: “из Гражданской войны <...> вышло в итоге все то же самое единое Российское государство, которое стало называться СССР. <...> И опять мы оставляем за скобками вопросы текущей мотивации и идеологии”²².

Примером того, как плюрализм мнений вписывается в консервативный консенсус, может служить третья из серии выставок “Россия. Моя история” в Манеже, посвященная событиям от начала Первой до конца Второй мировой войны. На стенах выставки размещено множество цитат самых разных деятелей и мыслителей прошлого и настоящего; эта разноголосица создает у посетителя ощущение сумятицы (в отличие от предыдущих двух серий выставочного блокбастера, “Романовых” и “Рюриковичей”, где почти все цитаты подтверждают одну только монархическую консервативную точку зрения). Однако в конце экспозиции зрителям предлагается катарсическое разрешение всех сомнений, достигаемое уже не текстовыми, а словно преодолевающими текст зрелищными средствами, например, видеопроекциями; эту функцию выполняет большой зал, посвящен-

ный Великой Отечественной войне и победе в ней, как раз и выступающей, в терминах Мединского, как символ триумфа “исторической России”. И сразу на выходе из этого зала расположен стенд, призывающий зрителей в очередной раз задуматься о многогранности фигуры Сталина — среди прочих на стенде приведена цитата из Михаила Шолохова: “Да, был культ... Но была и личность!” По сути, зрителей исподволь подводят к пониманию Победы как одного из возможных оправданий сталинизма с точки зрения большого исторического масштаба.

Но за подобной идеологической конструкцией просматривается и определенная экономическая идеология, которая снова удивительным образом инкорпорирует либеральные экономические концепты, связанные со свободным рынком, — а именно концепт эффективности. Именно нечто, называемое слово “эффективность”, наряду с укреплением государственных институтов провозглашается оправданием и сутью “исторической России”. Примером является периодически появляющееся утверждение об эффективности сталинизма. Патриарх Кирилл на открытии выставки “Моя история. XX век. 1914–1945” в Манеже провозгласил, комментируя сталинскую эпоху, что “успехи того или иного государственного руководителя, который стоял у истоков такого рода возрождения и модернизации страны, нельзя подвергать сомнению, даже если этот руководитель отмечен злодействами”²³. А цитата о Сталине как “эффективном менеджере” приписывалась в разное время разным (в основном, консервативным) авторам, и, хотя установить первоисточник оказалось невозможно, так что, по-видимому, сама цитата — всего лишь фантомное образование, показателен сам факт возникновения такого фантома²⁴. Эти два высказывания отражают крайний (условно сталинистский) полюс диапазона мнений власти. Однако они эксплуатируют некое действительное структурное сходство: идея эффективности (успешности) в либеральной экономической модели выполняет функцию высшего регулятора свободного рынка, превосходящего любые мотивации конкретных общественных и исторических акторов — как и “историческая Россия”

оказывается над “красными” и “белыми” в консервативной модели Мединского. Этот же прием властный мейнстрим активно использует уже не для оправданий сталинизма, а в прагматике сегодняшнего дня — апеллируя к высшему историческому предназначению России, во имя которого необходимо затянуть пояса и меньше требовать от государства.

Если политика Мединского, с одной стороны, включает в себя выпады против современного искусства, то с другой — он постоянно твердит о необходимости “быть эффективным” в практическом применении к современности. Так, во время визита в Государственный институт искусствознания Мединский публично отчитал сотрудников за “неэффективность”²⁵.

За время своего пребывания во главе министерства Мединский заменил ряд “неэффективных” руководителей крупных институций на более деятельных — например, директора Третьяковской галереи Ирину Лебедеву на Зельфиру Трегулову. И именно повышение эффективности галереи стало одной из главных целей нового директора²⁶. Одновременно Трегулова всячески подчеркивает свою политическую и идеологическую лояльность власти²⁷.

Разумеется, политика государства, в которой экономическая эффективность и требование зарабатывать самостоятельно сочетаются с идейным служением исторической миссии России, связана со сложным экономическим положением и истощением бюджетных ресурсов. Однако такие экономические императивы вписываются в более общую канву неолиберализма, тенденции которого были заметны в России и ранее.

Неолиберальная политика в сфере культуры

Выше речь шла в основном о риторике, идеологии и требованиях, озвучиваемых государственными агентами. Но об элементах либерализма, включенных в функционирование современного российского режима, можно говорить не только применительно к этим надстроечным, пользуясь марксистским язы-

ком, явлениям, но и применительно к базису, к экономической политике и логике происходящего. И здесь можно констатировать, что в сегодняшней России помимо капитализма, в котором политическая власть плотно спаяна с госкорпорациями, в ряде сфер в государственной экономической политике присутствуют неолиберальные черты.

Например, государственные субсидии на культуру сегодня сокращаются, от культурных институций все чаще требуют стремиться к самоокупаемости — то есть к участию в рынке услуг наравне с другими. Как говорит социолог Александр Бикбов: “Министерство культуры выступает исполнителем закона из евангельской притчи (закон Матфея): “всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет”. <...> Происходит абсолютизация конкурентных отношений, которые всегда присутствуют в культурном секторе — в мире искусства, науки, литературы. Неолиберальная политика культуры намеренно форсирует дисбаланс в этих мирах, закрепляя и усиливая “естественные” неравенства. Предшествующие неолиберализму эксперименты в сфере культурной политики опирались на попытки сгладить эффекты неравенства и обеспечить возможностями творчества и ресурсами культуры тех, кто не попадал на верх иерархий. Новый менеджмент сознательно ориентирован на уже существующую стратификацию в культуре или пытается переиграть ее в пользу тех, кто обеспечен близостью к власти как одним из решающих ресурсов всеобщей конкуренции”²⁸. Функция государства здесь меняется: оно “будет представлять уже не хранителем культурного наследия, а просто самым крупным спонсором”²⁹. Идеологию, стремящуюся сблизить и даже отождествить культуру с услугами, которые пользуются популярностью у потребителей, не только транслирует министерство культуры — ее осуществляют на практике другие акторы культурной политики, даже такие крупные и консервативные, как Государственная Третьяковская галерея³⁰.

Неолиберальная политика, однако, касается не только культуры, но и вообще социальной сферы — в том числе образования и медицины, которые все более переводят-

ся на платную основу и от которых требуют подчинения конкурентной логике количественной эффективности. Примером тому — закон ФЗ-83 (называемый неофициально “Законом о коммерциализации бюджетных учреждений”), определяющий финансирование школ/больниц пропорционально числу учащихся/пациентов³¹. При этом демонтаж социальной инфраструктуры, унаследованной от Советского Союза, и просвещенческого понимания задач культуры, как поясняет Бикбов, “вовсе не препятствует повторному внедрению в музейное пространство, например, ура-патриотических тем. С технической точки зрения эти темы становятся предметом “нейтрального” коммерческого заказа и партнерства, а экспозиционные площадки, которые берутся их реализовать, размывают свою тематическую специализацию”³².

Анализируя нашумевшую концепцию “Основ российской государственной культурной политики”, Бикбов указывает на присутствующий в ней сплав традиционализма и рыночных ценностей: “Да, культура выступает инструментом, который призван обеспечивать выгоды главному инвестору, то есть государству. Но основное ее назначение подчиняет коммерцию задачам, родственным меркантилизму XVIII века: культура служит закреплению населения на территории и мотивации к потреблению отечественных продуктов”.

В условиях нарастающей экономической изоляции России от остального мира и на фоне пропагандируемой политики импортозамещения можно говорить о “закреплении населения на территории и мотивации к потреблению отечественных продуктов” далеко не только применительно к культуре. То есть в целом в современной российской ситуации “меркантилизм” (пользуясь этим термином вслед за Бикбовым) срачивается с неолиберальными экономическими мерами.

1990-е и генезис современного российского режима

В России происходит консервативный националистический поворот. Однако, как я попы-

тался показать, рассматривая срез риторики и политики последних нескольких лет, этот поворот инкорпорирует, порой перетолковывая, некоторые либеральные ценности и элементы неолиберальной экономической модели. Диахронически такое включение можно интерпретировать как следствие предшествующего исторического периода, 1990-х годов, когда Российская Федерация примкнула к глобальному мировому капитализму, и “нулевых” когда произошла стабилизация российской капиталистической модели с упором на усиление роли государства. Эклектичность идеологии сегодняшнего российского режима, которую я попытался обрисовать, напоминает, что он строится не только на унаследованных от Советского Союза силовых ресурсах или не только на модели президентской республики, возникшей после разгона Верховного Совета в 1993 году. Он также основывается на постсоветской капиталистической экономике и связанных с ней либеральных ценностях, многие из которых все еще отчасти признаются нормативными, пусть и в искаженном виде. Хотя нынешняя власть, включая президента, всячески осуждает и дискредитирует 1990-е годы как время либерального хаоса и использует этот образ в борьбе с внесистемной оппозицией, якобы желающей вернуть страну в тогдашнее состояние³³, вместе с тем она вынуждена признавать и свою генетическую связь с этим периодом. Экономически государство продолжает демонтаж остатков социальной инфраструктуры советского периода, а риторически не может полностью размежеваться с либеральной законностью, хотя на практике часто обращает ее в свою противоположность. Символична в этом смысле церемония открытия Ельцин Центра в Екатеринбурге, прославляющего первого президента Российской Федерации, на которой присутствовали, среди прочих, Владимир Путин и Дмитрий Медведев. Путин, в частности, произнес, комментируя период ельцинского президентства: “нужно знать, изучать этот сложный и многозначный, многовекторный опыт, гордиться им и извлекать, безусловно, из него уроки”³⁴.

“Зал свободы” Ельцин Центра посвящен свободам, которые, согласно концепции Центра, принесла России эпоха ельцинских

реформ: свободе слова, свободе собраний, свободе перемещения, свободе совести и так далее. Происходящая в последние годы тревожная мутация этих провозглашаемых либеральных свобод заслуживает не просто осуждения — она должна быть оценена как вызов либеральной модели и методам перехода к ней бывших обществ “реального социализма”. Сторонникам либерализма не следует закрывать глаза на происшедшую мутацию — напротив, необходимо проанализировать, как именно случилось, что эта модель оказалась использована консервативным авторитарным режимом. Показательно, кстати, что саму идею подобной критики власть опять-таки апроприировала в собственной риторике, примитивно мифологизируя 1990-е как полный хаос и смуту. В каком-то смысле вызов “путинизма” для либералов аналогичен вызову сталинизма для социалистов и коммунистов: недостаточно просто осудить стали-

низм как чудовищную мутацию, необходимо проанализировать, что именно в идеях, логике и, главное, методах социалистов и коммунистов сделало его возможным.

Сталинистская мутация остается в России не вполне осмысленной на массовом уровне — и сегодня мы даже наблюдаем подъем симпатий к фигуре Сталина. Однако не буду слишком увлекаться этой исторической аналогией между двумя периодами реакции, последовавшей за революционными переменами начала и конца XX века. Слишком уж она похожа на консервативный миф Мединского об “исторической России”, преодолевающей любые смуты, противопоставить которому необходимо анализ конкретных исторических обстоятельств, не нивелирующий и исключая исторические переломы, революции и их последствия, но, напротив, пытающийся указать их роль в генезисе дальнейших изменений общества.

Примечания

- 1 См. интервью автора с Илейей Будрайтским о том, как менялось понимание задач исторического музея с Перестройки до нашего времени.: Напрееенко Г., Будрайтскис И. *Победила ли “историческая Россия”?* // Colta.ru. 2016. 25 марта. URL: <http://www.colta.ru/articles/raznoglasiya/10454> (доступ 26.05.2016).
- 2 *Декларация прав человека и гражданина (принята депутатами Генеральных штатов 24 августа 1789 года)*. URL: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/1789/declaration.htm> (доступ 26.05.2016).
- 3 Туровский Д. *Слушайте, да не нужно про права людей! [Интервью автора законопроекта о “публичном выражении нетрадиционных отношений”]* // Meduza.io. 2016. 14 января. URL: <https://meduza.io/feature/2016/01/14/slushayte-da-ne-nuzhno-pro-prava-lyudey> (доступ 26.05.2016).
- 4 Фетисенко А. *В России у взрослых нет права возвращать детей. Комментарий юриста к Постановлению № 24-П Конституционного Суда РФ* // Православие.ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/75587.html> (доступ 26.05.2016).
- 5 См., например, такую критику в её умеренном варианте: Карпов А. *Ювенальная юстиция и неогуманизм* // Татьяна день. 2012. 20 сентября. URL: <http://www.taday.ru/text/1822788.html> (доступ 26.05.2016).
- 6 *Путин поговорил с родителями* // Интерфакс. 2013. 9 февраля. URL: <http://www.interfax.ru/russia/289661> (доступ 26.05.2016).
- 7 *Госдума приняла закон о приоритете КС над международными судами* // Новая газета. 2015. 4 декабря. URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/1698467.html> (доступ 26.05.2016).
- 8 Пример такой риторики — приведённая ранее реплика Ивана Никитчука.
- 9 Об этом было сказано на круглом столе “Искусство и религия” на Винзаводе 5 апреля 2012 года, где присутствовал автор статьи. См. Мельников А. *РПЦ ждет от художников объяснений* // Независимая газета. 2012. 6 апреля. URL: http://www.ng.ru/culture/2012-04-06/1_rpc.html (доступ 26.05.2016).
- 10 См., например, Жолобова М. *Звезда шансона объяснила, что ждало бы Pussy Riot в мечети* // Утро.ru. 2012. 2 августа. URL: <http://www.utro.ru/articles/2012/08/02/1062979.shtml> (доступ 26.05.2016).
- 11 См., например, дискуссию тут: *Pussy Riot и их выходка в ХХС. Обсуждение* // ВКонтакте. URL: http://vk.com/topic-1722287_26152783?post=95093 (доступ 26.05.2016).
- 12 Музей посвящен приезду Сталина на Калининский фронт летом 1943 года. См. *В Тверской области открыли музей с бюстом Сталина* // Meduza.io. 2015. 4 июля. URL: <https://meduza.io/news/2015/07/04/v-tverskoy-oblasti-otkryli-muzey-s-byustom-stalina> (доступ 26.05.2016).
- 13 Страница конкурса на памятник на сайте Музея ГУЛАГа — URL: <http://konkurs.gmig.ru/> (доступ 26.05.2016).
- 14 Фещенко В. *Видишь, там, на горе, возвышается крест: Зачем Москве памятник князю Владимиру* // The Village. 2014. 5 декабря. URL: <http://www.the-village.ru/village/city/city/171371-pamyatnik-vladimiru> (доступ 26.05.2016).
- 15 *Акцию “Угроза” Петра Павленского сняли с конкурса “Инновация”* // Svoboda.org. 2016. 16 февраля. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27555081.html> (доступ 26.05.2016).
- 16 Более подробно о гайд-парках см. подборку The Village — URL: <http://www.the-village.ru/tags/%D0%93%D0%B0%D0%B9%D0%B4-%D0%BF%D0%B0%D1%38%D0%BA> (доступ 26.05.2016).

- 17 Гуськов С., Новожёнова А. *Частное по финансированию, но абсолютно государственное по содержанию* // Искусство. 2014, №3. URL: <http://www.iskusstvo-info.ru/archive/article/id/209> (доступ 26.05.2016).
- 18 См. список партнеров выставки — URL: <http://myhistorypark.ru/partners> (доступ 26.05.2016).
- 19 Патриарх Кирилл возглавил церемонию открытия XII выставки-форума “Православная Русь — ко дню народного единства” // Православие.ру. 2013. 4 ноября. URL: <http://www.pravoslavie.ru/65445.html> (доступ 26.05.2016).
- 20 Матвеев И. *Неравенство в России: в поисках настоящих цифр* // Открытая левая. 2013. 23 ноября. URL: <http://openleft.ru/?p=122> (доступ 26.05.2016).
- 21 *Мединский: в борьбе “красных” и “белых” победила историческая Россия. Выступление в МГИМО* // РИА “Новости”. 2015. 20 ноября. URL: <http://ria.ru/culture/20151120/1324962428.html> (доступ 26.05.2016).
- 22 Там же.
- 23 Патриарх Кирилл: злодейства не исключали успехов советской власти // Svoboda.org. 2015. 4 ноября. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27345123.html> (доступ 26.05.2016)..
- 24 См., например: Филиппов А. *В сто первый раз об «эффективном менеджере Сталине»* // Свободная Пресса. 2015. 15 ноября. URL: <http://svpressa.ru/blogs/article/110256/> (доступ 02.06.2016).
- 25 Кириллина Л.В. *Защита последние рубежи. О визите министра культуры Мединского в Государственный институт искусствознания* // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. URL: <http://pstgu.ru/news/smi/2012/12/14/41855/> (доступ 26.05.2016).
- 26 НАПРЕЕНКО Г. *Привилегии и метафизика в Третьяковской галерее* // Colta.ru. 2016. 30 марта. URL: <http://www.colta.ru/articles/raznoglasiya/10494> (доступ 26.05.2016).
- 27 АЗАР И. *Я не вижу художественной составляющей в акциях Павленского [Интервью директора Третьяковской галереи Зельфиры Трегуловой]* // Meduza.io. 2016. 15 марта. URL: <https://meduza.io/feature/2016/03/15/ya-ne-vizhu-hudozhestvennoy-sostavlyayushey-v-aksiyah-pavlenskogo> (доступ 26.05.2016).
- 28 НАПРЕЕНКО Г., БИБИКОВ А. *Из энциклопедии музеев превращается в презентационную площадку* // Colta.ru. 2016. 23 марта. URL: <http://www.colta.ru/articles/raznoglasiya/10484> (доступ 26.05.2016).
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 *Текст Закона 83-ФЗ (закон о коммерциализации бюджетных учреждений)* // Гражданская инициатива. URL: <http://netreforme.org/tekst-zakona-83-fz/> (доступ 26.05.2016).
- 32 Там же.
- 33 Путин призвал не допустить во власть тех, кто “поураганил” в 90-е годы // РИА “Новости”. 2010. 16 декабря. URL: <http://ria.ru/politics/20101216/309511640.html> (доступ 26.05.2016).
- 34 Волков В., Галимова Н., Орлов А. *Путин открыл Ельцин Центр* // Газета.ру 2015. 25 ноября. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2015/11/25_a_7915355.shtml (доступ 26.05.2016).